

ТЕССА ДЭР
ПЛЕННИК
ЕЕ СЕРДЦА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д94

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Tessa Dare

ANY DUCHESS WILL DO

Перевод с английского Я. Е. Царьковой

Компьютерный дизайн Г.В. Смирновой

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения издательства Ballantine Books,
an imprint of The Random House Publishing Group, a division
of Random House Inc. и литературного агентства Nova Littera SIA.

Дэр, Тесса.

Д94 Пленник ее сердца : [роман] / Тесса Дэр ; [пер.
с англ. Я. Е. Царьковой]. — Москва : Издательство
АСТ, 2018. — 352 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-111424-4

Обозленный непрерывными попытками матери женить его, неисправимый холостяк Гриффин Йорк, герцог Халфорд, решает преподать матушке хороший урок — и выбирает себе в невесты... служанку из кондитерской в приморском курортном городке. А самой «невесте» он обещает заплатить совершенно фантастическую сумму, если та за неделю избавит вдовствующую герцогиню от всяческих мыслей о браке ее сына.

Однако лукавый Гриффин попадает в собственные силки — красота, острый ум и сильный характер Полины Симмз настолько покоряют его, что очень скоро герцог только и мечтает вымолить у бедной служаночки согласие стать его женой, согласие, которое она что-то не спешит давать.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Eve Ortega, 2013

© Перевод. Я.Е. Царькова, 2015

ISBN 978-5-17-111424-4 © Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Глава 1

Грифф с трудом приоткрыл один глаз, но тут же зажмурился от острой боли.

Его мутило, лицо чесалось от прорастающей щетины, невымытое тело требовало ванны. Сделав над собой усилие, он попытался припомнить, где был и что делал накануне вечером, но так ничего и не вспомнил, лишь голова разболелась еще сильнее.

Стараясь не обращать внимания на пульсирующую боль в висках, Грифф сосредоточился на иных, более приятных ощущениях. Спиной он прижимался к чему-то мягкому, как будто подбитому ватой. Не похоже, чтобы это была его кровать. Вероятно, это и не кровать вовсе. Грифф чувствовал, что его укачивает. Что это: побочный эффект похмелья или он действительно куда-то едет?

— Грифф. — И когда трудно, словно сквозь вату, в уши пробился спокойный голос, он не сразу понял, кому этот голос принадлежал. Понятно было лишь, что говорила женщина.

«Чума на твою голову, Халфорд! В следующий раз, когда ты решишь с кем-нибудь переспать после месячного воздержания, постарайся на худой конец остаться трезвым, чтобы потом было что вспомнить!»

Грифф проклинал себя за несусветную глупость. Лишь беспримерное по срокам воздержание могло заставить его поддаться искушению женской плоти, кому бы она ни принадлежала. Он понятия не имел, что это за женщина, лишь ощущал неуловимое женское присутствие. Сделав глубокий вдох, он почувствовал запах духов, отнюдь не дешевых.

Проклятье! Пожалуй, пятью фунтами тут не отделаться — придется раскошелиться на драгоценности.

Что-то не слишком острое воткнулось ему в бок.

— Просыпайся.

Похоже, ему знаком этот голос. Одной рукой по-прежнему прикрывая глаза, другой он пошарил вокруг себя и нащупал то, что ему показалось юбкой, сшитой из плотного шелка. Рука его заскользила вниз, и вот уже пальцы сомкнулись вокруг обтянутой чулком женской лодыжки. Виновато вздохнув, он нежно провел большим пальцем вверх и вниз по изящной ножке.

Уши его заложило от возмущенного окрика. Обладательница тонкой лодыжки чем-то больно шлепнула его по голове, которая и без того раскалывалась от боли.

— Гриффин Элиот Йорк, опомнитесь.

Вот черт!

Мгновенно забыв о боли в голове и рези в глазах, Гриффин подскочил, ударившись головой о низкий потолок. Подтвердились его самые худшие подозрения: он вовсе не в своей спальне и не в чужой, а в карете. И сидевшая напротив женщина ему очень даже знакома — знакомее некуда, как и двойная нить рубинов на ее шее, как и элегантная прическа из серебристых волос.

Грифф и женщина в ужасе уставились друг на друга.

— Мама?

Она еще раз ударила его по голове сложенным зонтиком.

— Проснись!

— Уже! Я уже проснулся! — воскликнул, вскинув ру-

ки вверх, Гриффин, заметив, что мать заносит зонтик для очередного удара. — Видит Бог, я, наверное, больше никогда не смогу заснуть — так ты меня напугала.

Несмотря на то что в карете было, пожалуй, даже слишком жарко, Гриффин зябко поежился. Желание поскорее принять ванну стало еще острее.

Выглянув в окно, он не увидел ничего, кроме бесконечных зеленых холмов, по которым пробегали тени от облаков, и, судя по этим теням, время близилось к полудню.

— Где мы, черт побери? И что все это значит?

Воспоминания о вчерашнем вечере оставались отрывочными и смутными. Положа руку на сердце, подобные ощущения при пробуждении не были для него внове, но все же с тех пор, как подобное случилось с ним в последний раз, немало воды утекло. Он думал, что пьяные загулы остались для него в прошлом. Так что же все-таки с ним вчера стряслось?

За ужином Гриффин выпил немного вина — не больше, чем обычно выпивал за ужином, но когда принесли рыбу, ему показалось, что посуда на столе поплыла куда-то.

И затем наступил провал в памяти.

Проклятье, ему подсыпали что-то в вино!

И похитили.

Голова его мгновенно прояснилась.

Те, у кого он оказался в плену, наверняка вооружены, тогда как при нем не было ни ружья, ни ножа — одни лишь кулаки. Принимая в расчет отличную реакцию и стремительно проясняющееся сознание, он оценивал свои шансы выйти из переделки живым пятьдесят на пятьдесят. Но ситуация усугублялась тем, что похитили еще и его мать.

— Надо сохранять спокойствие.

— А как же иначе? Беспокойство дурно сказывается

на цвете лица, — ответила герцогиня, привычным жестом прикоснувшись к рубинам на шее.

Кстати, о рубинах. Гриффин нахмурился.

Трудно представить себе похитителя, который оставил бы при жертве драгоценности стоимостью несколько тысяч фунтов. Да и увозить пленников в их собственной карете с фамильным гербом тоже не очень-то умно.

Черт!

— Это ты...

— Что, простите? — Мать в притворном недоумении приподняла брови.

— Это сделала ты: что-то подсыпала мне в вино за ужином, а потом меня затолкали в карету. — Гриффин нервно провел рукой по волосам. — Господи, как ты до такого дошла?

Герцогиня, устремив взгляд в окно, пожала плечами. Вернее сказать, это был лишь легкий намек на движение: его мать не снизошла бы до такого пошлого жеста, как пожимание плечами.

— Ты бы никогда не поехал добровольно, даже если бы я попросила.

Невероятно!

Грифф закрыл глаза, напомнив себе, что мать у него только одна, как у всех смертных. Это она носила его в своем чреве и рожала в муках. Впрочем, лучше не думать о физиологии. Безуспешно попытавшись заставить себя забыть, что его мать женщина и у нее имеются лодыжки, он спросил:

— Где мы?

— В Суссексе.

Суссекс. Одно из немногих графств в Англии, где у их семьи нет никакой недвижимости.

— И с какой целью, смею спросить, мы так торопились попасть в Суссекс?

Едва заметная улыбка заиграла на губах герцогини.

— Чтобы ты встретился с будущей невестой.

Грифф лишился дара речи.

— Ты... Ты... Что за бес в тебя вселился? Тебе нечем себя занять? Как тебя назвать после этого?

— Смею напомнить, что ты восьмой герцог Халфорд, — с достоинством сообщила ему герцогиня. — Я знаю, что для тебя это мало что значит. Кутежи, карты, бесцельное прожигание жизни, а все это год за годом, — ты словно задался целью порочить имя, которым гордились многие поколения твоих предков. Самое меньшее, что ты можешь сделать, это дать жизнь новому поколению, к воспитанию которого я еще смогу приложить руку. На тебе лежит ответственность за...

— За продолжение рода. — Грифф закрыл глаза и ущипнул себя за переносицу. — Мне об этом уже говорили. Неоднократно.

— В этом году тебе исполняется тридцать пять, Гриффи.

— Да. Из чего следует, что я несколько староват, чтобы продолжать звать меня Гриффи.

— И, что еще важнее, мне уже пятьдесят восемь, а значит, необходимо обзавестись внуками до того, как сойду в могилу. До того, как мы оба станем старыми и дряхлыми.

Грифф расхохотался.

— Если бы преклонные годы могли заставить тебя угомониться, я был бы только счастлив. Скажи, что мне сделать, чтобы старость тебя одолела?

— Не дождешься, — с насмешливым блеском в глазах парировала герцогиня.

Грифф вздохнул. Мать есть мать, и другой такой женщины не сыскать во всей Англии. Господь, как видно, изваял ее по особому образцу. Подобно драгоценным камням, что так ей полюбились, она представляла собой уникальную комбинацию внешнего лоска и внутреннего огня.

Большую часть года мать и сын жили порознь —

лишь на время лондонского сезона Грифф перебирался в семейный особняк. И, как показала жизнь, даже несколько месяцев в году под одной крышей с матерью были для него испытанием.

— Я долго терпела, — продолжала гнуть свое герцогиня. — Но теперь отчаялась. Ты должен жениться, причем в ближайшее время. Я находила для тебя самых завидных столичных невест: красавиц, умниц — но ни одна не смогла тебя соблазнить. И тогда мне стало ясно, что не в качестве дело, а в количестве.

— В количестве? Ты толкаешь меня в секту, где мужчины могут иметь жен сколько угодно?

— Не говори глупости!

— А я-то понадеялся...

— Ты несносен! — чуть заметно, как положено герцогине, скривив губы, констатировала мать.

— Спасибо. Я очень стараюсь.

— Это заметно. Если бы ты только прикладывал столько стараний к чему-то иному.

Грифф закрыл глаза. Скучнее и утомительнее разговора, чем диспут, начинающийся с вопроса матери: «Когда ты женишься?» — был лишь один — под общим названием «Ты одно сплошное разочарование». Только в этой семье «сплошным разочарованием» считался тот, кто осуществлял грамотное и эффективное управление гигантским состоянием, включавшим шесть поместий, несколько сотен наемных работников и тысячи арендаторов. С точки зрения большинства его успехи впечатляли, но Халфордам этого было мало. Для того чтобы добиться признания в собственной семье, надо по меньшей мере реформировать парламент или найти новые торговые пути в Патагонию. А без этого — увольте, никакие заслуги не в счет.

Гриффин устремил взгляд в окно. Пейзаж изменился — не иначе какой-то захолустный городок.

Грифф опустил оконное стекло. Воздух пах морем и зеленью.

— Очень симпатичное местечко, — констатировала герцогиня. — Опрятное и тихое. Могу понять, почему оно так полюбилилось молодым леди.

Карета остановилась в центре городка возле сквера, разбитого перед старинной церковью. Грифф высунул голову в окно и огляделся. Городок слишком маленький, чтобы быть Брайтоном или...

— Одну минуту, — сказал он, кое-что заподозрив.

Не может быть, чтобы она привезла его в...

Нет, это слишком даже для его матери.

Лакей в ливрее открыл дверь кареты.

— Добрый день, ваша светлость. Мы в Спидл-Коув.

— Вот досада!

Когда нарядная карета с помпой въехала на главную улицу, Полина не удостоила ее и взглядом. Мало ли вот таких роскошных экипажей каждый день въезжает в их городок, привозя сюда на отдых знатных дамочек, которые твердо верят в то, что неделька-другая в Спидл-Коув поможет затянуться сердечным ранам лучше, чем любые патентованные мази.

Впрочем, Полина не принадлежала ни к какому знатному роду, и проблемы барышень-аристократок, касающиеся то ли подмоченной репутации, то ли завышенной самооценки, не омрачали ее существования. Полина была девушкой практичной, и прямо сейчас настроение ей подпортил забрызганный подол — результат того, что она, задумавшись, проглядела лужу, а обнаружила свою ошибку лишь после того, как в нее наступила.

Существовала и еще одна причина для огорчения: глаза ее сестры — уже второй раз за утро — были на мокром месте.

— Список, — дрожащими губами произнесла Даниэла. — Его здесь нет.

Вот черт. Возвращаться на ферму времени нет: через пару минут она должна приступить к работе в таверне. Опаздывать нельзя — сегодня воскресенье, день, когда прибывшие из столицы знатные дамы традиционно устраивают посиделки в «Быке и цветке». В воскресенье самая работа. Мистер Фосбери, хозяин таверны, попусту не придирается, но за опоздание удержит из зарплаты и отец непременно заметит разницу.

Даниэла со слезами на глазах лихорадочно рылась в кармане.

— Его у меня нет, нет!

— Не беда. Я и так все помню. — Полина стряхнула грязные капли с подола и принялась вслух считать, мысленно ставя галочки в списке: — Изюм — раз, суровая нитка — два, еще немного мочала. Ах да, и алюминевые квасцы — мать добавляет их в рассол, чтобы огурцы хрустели.

В единственной лавке Спиндл-Коув яблоку негде было упасть. В то время как столичные дамочки встречались по воскресеньям в таверне, горожане попроще приходили в лавку поболтать, а заодно и пополнить запасы круп и прочего. Окрестные фермеры и крестьяне выбирались в Спиндл-Коув не чаще раза в неделю. Миссис Уитли, престарелая вдова, к примеру, покидала свой покосившийся дом на ферме в паре милях от городка лишь для того, чтобы приобрести засахаренные фрукты и горькую настойку, которую считала лекарством от всех болезней. Неприветливая старуха недовольно фыркнула: ей пришлось потесниться, чтобы пропустить Полину и Даниэлу в лавку.

Салли Брайт, хозяйка лавки, трудилась не покладая рук, обслуживая покупателей, и ее младший брат Руфус, такой же светловолосый, как и сестра, носился, словно челнок, в кладовую и обратно.

К счастью, сестры Симмз дружили с Брайтами всю жизнь, и потому им не пришлось стоять в очереди в ожидании, пока их обслужат.

— Вытащи яйца из корзины, — велела сестре Полина. — Я принесу мочала и ниток со склада, а ты возьми изюму и квасцов. Две меры изюму, одну квасцов.

Даниэла осторожно поставила корзинку с коричневыми в крапинку яйцами на прилавок и направилась к стоявшим в ряд ларям. Шевеля от усердия губами, она отыскала взглядом ящик с надписью «изюм», и сосредоточенно насупив брови, сделала из оберточной бумаги кулек в виде конуса, потом зачерпнула изюм совком.

Убедившись, что сестра принялась за выполнение задания, Полина зашла в кладовую, а когда вернулась, Даниэла ждала ее с двумя кульками в руках.

— Слишком много квасцов, — сказала Полина. — Надо было взять одну меру, а не две.

— О нет! Я снова все напутала!

— Ничего страшного, — постаралась справиться с раздражением сестра. — Просто верни лишнюю меру обратно.

Полина перехватила глумливую ухмылку миссис Уитли, и обида в который раз сдавила сердце. Что сделала этой гнусной старухе бедная Даниэла?

— Не знаю, стоит ли мне и дальше отовариваться в лавке, — громко сказала старуха, — где полоумных пускают за прилавок.

Салли Брайт поспешила подавить конфликт в зародыше и, любезно улыбаясь, напомнила:

— Только, миссис Уитли, когда решите отказаться от наших услуг, предупредите нас, пожалуйста, заранее, чтобы мы больше не закупали для вас опийную настойку.

— Это полезное для здоровья тонизирующее средство.

— Разумеется, — сухо согласилась Салли.

Полина открыла бухгалтерскую книгу, чтобы вписать в нужные колонки, что приобрела и в каком количестве. Ей втайне нравилось это занятие — нравилось просматривать записи, сделанные аккуратным почерком Салли.

Когда-нибудь и у нее будет своя лавка, и она тоже будет вести гроссбух. Об этой своей мечте Полина не говорила никому, даже самой близкой подруге. Эта мечта воодушевляла ее, когда работа на ферме или в таверне валила с ног.

Когда-нибудь у нее будет собственное дело.

Полина нашла нужную страницу. С учетом стоимости принесенных яиц ее долг Салли составил всего шесть пенсов. Хорошо.

Полина вздрогнула от громкого стука и вскинула голову.

— Что же ты творишь, несчастное дитя? — воскликнула миссис Уитли, еще раз стукнув ладонью по прилавку.

— Я... я кладу квасцы обратно, — заикаясь, пробормотала Даниэла.

— Это не квасцы! — передразнивая речь девушки, которая и вправду едва ворочала языком, сказала старуха. — Это колотый сахар, дорогая.

Влипла так влипла! Полина знала, что ей следовало все сделать самой, а не поручать Даниэле то, с чем она может не справиться, но ей так хотелось доказать миссис Уитли, что сестра не так глупа и беспомощна, как она думает.

Но вышло по-другому, и теперь старуха ухмылялась с видом победителя.

Даниэла же, окончательно запутавшись, глупо улыбалась, переводя взгляд со старухи на сестру.

Полине было до боли ее жаль. Она была всего на год младше ее, но безнадежно отставала в развитии. Даниэле все давалось гораздо труднее, чем многим другим: произносить слова, которые заканчивались на согласные, складывать и вычитать, но труднее всего было понять, что люди не всегда говорят то, что думают. Она не осознавала, что существуют коварство и жестокость. И наверное, так даже лучше, иначе жизнь была бы для нее сплошным страданием.

— Если бы колотый! — простонал Руфус Брайт. — Я наскреб песка с сахарной головы — думал, так лучше, — почти полный ларь.

— Ну что же, теперь его придется выбросить, — злобно констатировала миссис Уитли.

— Я заплачу за сахар, — предложила Полина, и к горлу подступила тошнота, словно она только что проглотила добрых пять фунтов песка: сахар стоит дешево.

— Ты вовсе не обязана, — тихо заметила Салли. — Мы же почти сестры, хотя могли бы стать настоящими, если бы у моего брата Эррола в голове были мозги вместо опилок.

Полина покачала головой. Когда-то она была влюблена в Эррола, но с тех пор как они расстались, прошло два года и сердечная рана уже почти затянулась. Как бы там ни было, она не хотела быть у него в долгу.

— Я заплачу, — стояла на своем Полина. — Это моя ошибка. Надо было все сделать самой, но я хотела упрямиться побыстрее. Вот и получила то, что получила.

А теперь она еще и опоздала в таверну, и ее наверняка оштрафуют. День сегодня с самого утра не задался. Не зря говорят: пришла беда — открывай ворота.

Салли кусала губы: и подругу жалко, и прибыль терять не хочется.

Между тем Даниэла наконец поняла роковые последствия своей ошибки и, набрав сахара из ларя, высыпала

его в ящик с квасцами, обильно поливая слезами и то и другое.

— Я все исправила.

— Все в порядке, дорогая. — Полина подошла к сестре и осторожно забрала совок из ее рук. — Давай посмотрим гроссбух. Кажется, у меня кое-что накопилось.

Ей не казалось, Полина знала, что у нее накопления есть. В гроссбухе, помимо страницы под названием «Счета Симмзов», была и помеченная одним словом «Полина», и там значилась сумма в два фунта четыре шиллинга восемь пенсов, ее личные накопления. Последние несколько лет она откладывала каждое пенни, и Салли Брайт вела учет этим деньгам в своем гроссбухе. Очень похоже на банковский счет, но разве служанка может позволить себе открыть счет в настоящем банке?

Полина копила деньги ради лучшего будущего своего и сестры и верила, что когда-нибудь настанет заветный день, когда станет возможным начать свое дело.

— Давай, — решительно повторила Полина.

Один росчерк пера Салли, и почти все ее накопления испарились: осталось одиннадцать шиллингов восемь пенсов.

— Я не стала высчитывать с тебя за квасцы, — пробормотала Салли.

— Спасибо. — Слабое утешение, но все же кое-что. — Руфус, ты не мог бы оказать мне любезность и проводить Даниэлу домой? Мне пора в таверну, а она расстроена.

Руфус, который чувствовал себя виноватым, взял Даниэлу под руку.

— Пойдем, Дани, отвезу тебя домой — только повозку запрягу.

Даниэла никуда ехать с Руфусом не желала и продолжала горько плакать. Полина подошла к ней и шепнула на ухо:

— Поезжай домой, а я сегодня вечером принесу тебе пенни.

Слезы сразу высохли. Даниэла каждое утро собирала яйца, пересчитывала, просматривала на свет и складывала в корзинку. За это Полина давала ей по одному пенни в неделю.

Каждую субботу вечером Полина наблюдала, как Даниэла кладет свое пенни в старую жестяную коробку из-под чая. Сестра трясла жестянку над ухом и счастливо улыбалась, а на следующее утро честно заработанное пенни опускала в коробку для пожертвований в церкви. И так каждое воскресенье.

— Ну, до встречи, Дани, — улыбнулась сестре Полина, хотя ей было совсем не весело.

Как только Даниэла и Руфус вышли из лавки, миссис Уитли, раздуваясь от самодовольства, назидательно заметила, обращаясь к Полине:

— Чем таскать дурочку за собой, лучше бы дома ее запирала. Надеюсь, урок пойдет тебе на пользу.

— Эй, миссис Уитли, полегче! Вы же знаете: сестры Симмз совершенно безобидные и никому зла не желают.

Полина съежилась как от пощечины. Сколько раз за свою жизнь слышала она эту фразу, этот жалостливый тон. Мол, что с них, недотеп, взять: зла-то они никому не желают, только все у них выходит вкривь да вкось.

И зачем они только на свет родились? Никому от них никакого толку. Никому эти сестры Симмз не нужны, даже отцу с матерью. Родители просили у Бога сыновей, а он наградил их дочерьми и словно в насмешку одной недодал ума, а другой... другую сотворил похужей на мальчишку: никаких тебе приятных округлостей, только кожа да кости... ну и жил немного.

Но зато Господь не обделил ее умом и волей. Когда-нибудь она докажет всем, кто считает ее неудачницей, что они ее совсем не знают. Когда-нибудь, но не сегодня.